

12. Auer, E.T. & Luce, P.A. Probabilistic phonotactics in spoken word recognition // *Maurer University at Buffalo working papers on language and perception* (Ed. by C.T. McLennan & P.A. Luce G.). – 2003. – Vol.2. – Pp. 164–202.
13. Christiansen, N. & Chater, W. Connectionist natural language processing: the state of the art // *Cognitive Science*. – 1999. – Vol. 23(4). – Pp. 417–434.
14. McClelland, J.L. & Elman, J.L. The TRACE model of speech perception // *Cognitive Psychology*. – 1986. – Vol. 18. – Pp. 1–86.
15. McQueen, J.M. Segmentation of continuous speech using phonotactics // *Journal of Memory and Language*. – 1998. – Vol. 39. – № 1. – Pp.21–46.
16. McQueen, J.M., Norris, D. & Cutler, A. The dynamic nature of speech perception // *Language and Speech*. – 2006. – Vol.49. – № 1. – Pp.101–112.
17. Nerlich, B. *Change in language*. – London; New York: Routledge, 1990. – 213 p.
18. Norris, D., McQueen, J.M. & Shortlist, B. A Bayesian model of continuous speech recognition. – 2007 // <http://www/mrc-cbu.cam.ac.uk/~dennis/NorrisMcQueenShortlistBSept07.pdf>
19. Norris, D., McQueen, J.M. & Cutler, A. The possible-word constraint in the segmentation of continuous speech // *Cognitive Psychology*. – 1997. – Vol. 34(3). — Pp. 191–243.

Н.И. Курганова

ОБРАЗ МИРА КАК РЕЗУЛЬТАТ ПОЗНАНИЯ МИРА

Проблемы миропонимания, мировосприятия носителей языка, особенности конструирования образа мира различными социумами находятся в центре внимания ряда наук: социологии, этнопсихологии, культурной антропологии, психолингвистики. При этом на рубеже третьего тысячелетия наметился новый всплеск интереса к изучению национально-культурной детерминированности мира, к обсуждению взаимоотношений культуры и познания. Этому способствовал ряд объективных причин.

Во-первых, в современном мире произошли глобальные изменения, и на международную арену вышли многочисленные страны, народы и культуры [1: 278], что требует изучения разнообразных стратегий познания и взаимодействия в человеческих сообществах. Во-вторых, с 60-70 годов XX столетия ученые констатируют небывалый рост этнической идентичности, который захватил все страны и континенты [19: 16–18]. В-третьих, на фоне общей глобализации и интенсификации межкультурных контактов идет усиление национальной и религиозной нетерпимости в мире и обществе.

Вызовы времени побуждают ученых вновь обратить свое внимание на роль языка и культуры в когнитивной и коммуникативной деятельности человека. В этих условиях в рамках психолингвистики начинает складываться новая молодая наука – этнопсихолингвистика, в центре внимания которой находятся проблемы национально-культурной вариативности сознания и образа мира. По справедливому замечанию В.А. Пищальниковой,

именно этнопсихолингвистика призвана решать междисциплинарные проблемы содержания этнического сознания, поскольку в центре внимания новой молодой науки интегративного типа находится исследование этнокультурной вариативности знания и познания [16: 12–13].

Интегративный подход к исследованию национально-культурной вариативности когнитивной и коммуникативной деятельности требует разработки понятийного аппарата и методологической обработки используемых понятий и терминов [Ор. cit.: 24–25]. В этой связи главная цель нашего исследования – уточнить основные характеристики понятия «образ мира» и выделить основные параметры его описания, а также дать методологическое обоснование возможности применения данного термина при анализе этнокультурной вариативности культурного знания.

Прежде всего, отметим, что «образ мира» традиционно считается центральной категорией психологического описания процессов познания. Этой точки зрения придерживается Е.Ф. Тарасов, который определяет образ мира как «сугубо психологическое понятие, сконструированное для анализа процесса восприятия» в психологии и психолингвистике [20: 9]. Однако сегодня это понятие также активно используется в этнопсихологии, психологии социального познания, культурной антропологии, лингвистике, лингвокультурологии и ряде других наук, в силу чего за этим термином часто скрывается весьма разнородное содержание.

Как известно, впервые термин «образ мира» был использован А.Н. Леонтьевым в его докладе на факультете психологии МГУ в 1975 году, где первоначально им была сформулирована мысль о роли образа мира в процессах восприятия предметов или явлений. В результате теоретического анализа А.Н. Леонтьев пришел к выводу, что всякое актуальное воздействие вписывается в образ мира, т.е. некоторого «целого»; при этом ученый отмечал, что построение целостного образа зависит не от отдельных чувственных впечатлений, а обусловлено сложившейся системой координат [11: 11].

Огромный вклад в развитие теории образа мира внес ученик и последователь А.Н. Леонтьева, известный психолог С.Д. Смирнов, который рассматривает образ мира как «центральное образование», характеризующее познавательные процессы личности. С.Д. Смирнов полагает, что «образ мира человека является *универсальной формой организации его знаний*, определяющей возможности познания и управления поведением» [17: 152. Курсив мой. – Н.К.].

Отметим, что в общей психологии делается упор на разработку понятия «образ мира» как психологической категории: под образом понимается некоторая *совокупность* или *упорядоченная система знаний человека о мире*, о себе и других людях, которая «опосредует, преломляет через себя любое внешнее воздействие» [18: 142].

А.Н. Леонтьев обратил внимание, с одной стороны, на объективность образа, а с другой – на *активную роль субъекта* в конструировании образа:

мы действительно строим образ, «вычерпывая» его из объективной реальности» [12: 255]. С.Д. Смирнов творчески развил мысли своего учителя об активной роли образа мира в процессах познания. С одной стороны, ученый определял эту роль как *регулирующую и направляющую*, отмечая, что «... главный вклад в процессе построения образа предмета или ситуации вносят не отдельные чувственные впечатления, а образ мира в целом. ... Построение образа внешней реальности есть, во-первых, актуализация той или иной части уже имеющегося образа мира и лишь, во-вторых, это есть процесс уточнения, исправления или даже радикальной перестройки его» [18: 142–143]. С другой стороны, С.Д. Смирнов указывает на *прогностическую функцию* образа мира как самую глубокую и неотъемлемую его характеристику: «... образ мира есть отражение не столько прошлого и настоящего, сколько отражение будущего, т.е. представляет собой систему наших ожиданий, прогнозов о том, что произойдет в ближайшем или отдаленном будущем в условиях нашего бездействия или при совершении нами определенных действий, поступков» [17: 152].

Отмечая активную роль образа мира в процессе восприятия отдельных его фрагментов, ученый, при этом, указывает на необходимость иметь некоторое *предзнание*, чтобы выделить объект или событие в качестве значимого: «... чтобы нечто узнать, нам надо заранее знать, что это знание будет нам полезно, что оно имеет отношение к удовлетворению наших потребностей» [Ibid.]. Следовательно, образ мира выполняет двойственную роль, т.е. выступает в двух ипостасях: «и как исходный пункт познавательного процесса, поскольку он направляет нашу познавательную активность, и как результат этого процесса» [1: 34].

Напомним, что вопрос активности познающего субъекта и того, что движет «познающим сознанием», обсуждался еще во времена Канта и Гегеля и приобрел у последнего вид знаменитого круга «цель – действие»: «Индивид ... словно находится в каком-то кругу, в котором каждым моментом уже предполагается другой момент, и он не может, таким образом, найти начало, потому что свою первоначальную сущность, которая должна быть его целью, он узнает *лишь из действия*, а чтобы действовать, у него *наперед* должна быть цель» (цит. по: [3: 26–27]).

У Гегеля, пишет И.В. Журавлев, «круг разрывается *в самом действии*, которое выступает поэтому как порождающее свое же собственное осознание» [Op.cit.: 27]. К этому же выводу приходит и С.Д. Смирнов, который считает, что по способу своего происхождения образ адекватен не стимулу, а *действиям субъекта в предметном мире* [17: 151].

Следовательно, и А.Н. Леонтьев, и С.Д. Смирнов трактуют образ мира в рамках деятельностного подхода: «... и предметное значение, и эмоционально-личностный смысл строящегося образа *заданы всем контекстом нашей деятельности*, актуализированной частью образа мира и поэтому как бы предшествуют нашей стимуляции, а не извлекаются из нее за счет бесконечно усложняющейся обработки чувственных данных» [17: 155. –

Курсив мой. – Н.К.].

С.Д. Смирнов особо отмечает *целостный характер* образа мира и его принципиальную несводимость к совокупности отдельных образов: он возникает сразу в качестве целого, основой для его построения служат субъект-гипотезы, порождаемые образом мира в целом [Op. cit.: 152]. В этом свете сущность процесса познания как подлинно активного процесса формулируется ученым следующим образом: «Образ мира не складывается из образов отдельных явлений и предметов, а с самого начала развивается и функционирует как некоторое целое» [18: 144]. «Это значит, что любой образ есть не что иное, как элемент образа мира, и сущность его не в нем самом, а в том месте, в той функции, которую он выполняет в целостном отражении реальности» [Ibid.].

Образ мира выступает как *сложно структурированное* образование, в котором различаются ядерные и поверхностные образования; при этом, образ мира не представляет собой «склад» сведений о том, что было [17: 152]. Идею о многоуровневой структуре образа мира разделяют сегодня представители ряда смежных наук: психологии, психолингвистики, лингвокультурологии: «Образ, регулирующий сознательную целенаправленную деятельность человека, включает, так или иначе, все три уровня психического отражения» [5: 16]. Благодаря многоуровневости образа отражаемый в нем предмет презентуется человеку в многообразии своих свойств и отношений, что впоследствии обеспечивает возможность в ходе деятельности использовать то или другое свойство предмета или его отношение к другим предметам, при этом, «возможность таких переходов – важнейшее условие творческих решений» [Op. cit.: 17].

А.А. Залевская обращает особое внимание на слитность всех компонентов опыта в формировании образа мира, а также на роль рационального и эмоционального в его становлении. «Образ мира как достояние индивида симультанен, голографичен и многолик, он является продуктом переработки перцептивного, когнитивного и аффективного опыта, функционирует на разных уровнях осознаваемости при обязательном сочетании ”знания” и “переживания” и лишь в неполной мере поддается вербальному описанию» [6: 411].

Отличительным свойством образа мира является его *означенность*. У человека, писал А.Н. Леонтьев, «чувственные образы приобретают новое качество, а именно свою означенность. Значения и являются важнейшими “образующими” человеческого сознания» [13: 108]. С.Д. Смирнов утверждает, что образ мира несводим к некоторой наглядной картинке, что он *амодален* в том смысле, что «в него входят и сверхчувственные компоненты, такие как значение, смысл» [17: 151]. Эта мысль впоследствии нашла развитие в работах ряда исследователей. Например, В.Ф. Петренко отмечает, что «структуры значения, опосредующие восприятие, непосредственно вплетены в ткань образа; субъект видит не схему образа, воспринимает не значения, а означенный образ» [15: 17].

Для И.В. Журавлева мысль о том, что «сознательный образ всегда означен» означает, что сознательный образ «коллективен по своей природе» [3: 23]; это возможно только при условии, что любые образы мира сознательны, потому что «закреплены языком» [4: 67].

Е.Ф. Тарасов обращает внимание на *социальный* характер образа мира; по мнению ученого, самой существенной характеристикой образа мира является его *сконструированность*, т.е. образ мира – «это социально сконструированная реальность» [21: 10]. И как социальный конструкт образ мира формируется из психологических смыслов и значений, что позволяет его определять *через совокупность знаний, выработанных в общественной практике* [Ibid.]. При этом ученый добавляет, что «эти знания могут иметь и действительно имеют статус значения, если они ассоциированы с определенным языковым знаком» [Ibid.].

Для психолингвистики и этнопсихолингвистики вопросы *роли языка и речевой деятельности* в формировании образов сознания являются принципиально важными. Не случайно А. А. Залевская называет одной из актуальных задач психолингвистики уточнение роли языка как *одного из средств* формирования знания и доступа к нему в различных видах деятельности [7: 29].

В последнее время в психолингвистике проблема способов выражения значения в образе мира однозначно трактуется в пользу языка, хотя при этом признается, что предметные и вербальные значения образуют разные уровни в системе категоризации [4: 67]. Раскрыть характер связи образа мира и языка можно только с точки зрения *деятельностного подхода*, именно поэтому отправным пунктом в исследовании образов сознания является понимание идеального как формы деятельности [Ibid.].

С точки зрения психологии деятельности, содержание и структура образа мира самым непосредственным образом связаны с *характером деятельности субъекта* в определенной среде. При этом речь идет о деятельности человека как «*социального существа*», т.е. как члена определенного этнокультурного сообщества в силу общения и социального характера человеческого бытия. Как утверждал известный французский социолог С. Московичи, наши представления основаны не столько на тех вещах и ситуациях, которые они воспроизводят, сколько на «коммуникации, касающейся этих вещей и ситуаций», поскольку благодаря коммуникации знание приобретает *разделенный, т.е. интерсубъективный* характер [23: 167].

Формирование разделяемого знания невозможно без языка. Как подчеркивает Н.И. Жинкин, совместное пользование одними и теми же знаками с однозначно закрепленными за ними значениями дает возможность партнерам по коммуникации перейти от субъективных восприятий действительности к объективному пониманию, т.е. равнозначному [2: 86], что не может не трансформировать систему их знаний и представлений. Следовательно, общность языка как средства

взаимодействия и общения в рамках определенного сообщества людей является обязательным условием формирования разделенного знания.

В.А. Пищальникова, раскрывая специфику деятельностного подхода к содержанию сознания, утверждает, что речевая деятельность индивида и общества «оказывает воздействие на среду своего бытования, упорядочивая ее с помощью значений как когнитивных структур, запечатлевших те или иные способы познания действительности» [16: 27].

В число других предпосылок к формированию общего знания входят:

- а) общность природной и социальной среды обитания;
- б) общность совместной жизнедеятельности;
- в) однородность свойства интеллекта у всех людей [2: 74].

При этом следует учитывать, что характер взаимодействия со средой может быть как *прямым* (или непосредственным), так и *косвенным* (опосредованным), что является одним из факторов дифференциации знаний. Так, японский лингвист О. Йокояма [8] выделяет два типа знания в зависимости от источника информации: *прямое* (или непосредственное, первичное) знание, т.е. знание, которое приходит к человеку через один из его сенсорных каналов, и знание *косвенное* (опосредованное, вторичное), приобретаемое людьми в актах коммуникации и мышления [Op. cit.: 33].

Таким образом, и природная, и социокультурная среда, а также способ взаимодействия с ней, включая речевое общение, выступают ведущими факторами, определяющими специфику этнокультурной вариативности образов мира. Следовательно, это дает нам основание предположить, что фрагменты образа мира, сформированные в разных этнокультурных социумах, могут различаться в силу нетождественности языковой и социокультурной среды, а также характера взаимодействия с этой средой.

На основании сказанного выше основные характеристики образа мира можно свести к следующим.

- Образ мира открывается субъекту в процессах познания и общения. Образ мира формируется как результат активного и деятельностного отношения человека к окружающему миру, в результате чего «способы действия» с миром, выработанные в лингвокультурном сообществе, не могут не влиять на механизмы и результаты познания. Знание – продукт культуры, следовательно, образ мира, сформированный в рамках культурного сообщества, будет отличаться этнокультурной вариативностью.
- По структуре образ *многомерен* и *иерархичен*: в нем можно различить ядро и периферию, актуализированные и потенциальные компоненты, глубинные и поверхностные структуры, осознаваемые и неосознаваемые компоненты, но при этом образ мира обладает *целостным характером*.
- Образ мира – это сплав чувственного и рационального, субъективного и объективного: с одной стороны, он обладает

предметностью, поскольку отнесен к предметам окружающей действительности, а с другой – он отличается субъективностью, пристрастностью, так как не может существовать вне субъекта, его опыта и деятельности.

- Образ мира *означен* и имеет *знаково-символический характер*, благодаря чему образ мира носит социальный характер, он опосредован речевой коммуникацией и культурой.

Исследование национально-культурной специфики в конструировании образов мира позволит пролить свет на решение ряда традиционных проблем психолингвистики: формирование культурных констант, фиксация и трансляция культурных смыслов с помощью языка и речи, выработка когнитивных стратегий. В этой связи одной из важных задач является поиск *параметров* моделирования образа мира и выделение *основных факторов* этнокультурной специфики в содержании образа мира у представителей различных культур.

С целью уточнения роли языковой и социокультурной среды как важнейшего компонента культуры, а также в целях выделения *основных факторов* и *параметров* этнокультурной специфики в сфере обыденного познания у представителей различных культур нами было предпринято сопоставительное изучение содержания и структуры обыденных представлений о Франции у россиян и французов.

При этом мы изначально исходили из того, что *содержание стереотипного ядра*, сложившегося на определенном этапе развития лингвокультурного сообщества, является важным параметром этнокультурной специфики образа мира. Стереотипное ядро представлений является «культурным образованием», поскольку «процесс социализации индивида в рамках определенной этнической общности, осознание им этнической идентичности неразрывно связаны с процессом стереотипизации» [16: 135].

Знание отличается иерархической структурой, оно *семантически организовано* в целостные структуры, именно поэтому важным фактором, который оказывает существенное влияние на результаты культурного познания, является учет прошлого опыта и уже приобретенных знаний. Механизмом связи прошлого опыта строящегося образа мира служат когнитивные *схемы*. Отметим, что с точки зрения деятельностного подхода «образ мира» трактуется как «... отображение в психике человека предметного мира, опосредствованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами» [10: 268]. Когнитивная схема это своего рода *культурно обусловленные структуры знаний*, «организованный набор информации о мире», который связывает культуру и психологию. «Проникая в психику человека в процессе его социализации и инкультурации, когнитивная схема направляет действия человека», она заставляет человека видеть мир под определенным углом зрения и действовать в соответствии со своей культурной детерминацией [14: 431].

На активный характер схемы при построении образа мира обращает внимание И.В. Журавлев: образы как бы «выискиваются схемами категоризации, оформляясь (опредмечиваясь) в них» [3: 20].

Исследование этнокультурной специфики образа мира у представителей различных культур потребовало поиска надежных методов репрезентации (экспликации) результатов когнитивной деятельности, а также уточнения процедур описания. С опорой на концепцию А.А. Залевской о слове как главном *средстве доступа к информационной базе* человека [6: 425] главным методом измерения этнокультурной специфики образа мира было избрано сопоставительное изучение ассоциативных полей, полученных на слова-эквиваленты от представителей разных культур [22: 6]. С этой целью нами были проведены ассоциативные эксперименты в России и Франции, в которых принимало участие 134 человека, по 67 человек с каждой стороны в возрасте от 17 до 27 лет (см. подробно: [9]).

Методика проведения эксперимента и обработки полученных результатов была модифицирована с учетом методологических установок данного исследования и поставленных задач. Так, участникам эксперимента было предложено дать в письменной форме *по пять* ассоциативных реакций на слово-стимул на родном языке. Это позволило нам получить более подробные и развернутые опоры экспликации фрагментов знаний о своей и «чужой» стране, представляющие целостную ситуацию в единстве существенных и несущественных признаков.

Обработка содержания ассоциативных полей, полученных на слова ФРАНЦИЯ/FRANCE, осуществлялась в два этапа. На первом этапе с целью выделения *стереотипного ядра* были использованы следующие операции и процедуры: 1) структурирование ассоциативных реакций на ядро и периферию; 2) выделение стереотипного ядра в составе десяти наиболее частотных вербальных реакций по каждой группе испытуемых; 3) сопоставительный анализ содержания стереотипного ядра с последующей фиксацией общих и культурно-специфичных элементов.

Анализ содержания ассоциативных полей (далее – АП), полученных от двух групп испытуемых на стимулы ФРАНЦИЯ/FRANCE с точки зрения частотности, позволил выделить для каждой из групп *стереотипное ядро* представлений в составе 10 наиболее частотных реакций.

У *французов* в это ядро вошли следующие элементы: *pays (страна), culture (культура), Paris (Париж), liberté (свобода), maison (дом), gastronomie (гастрономия), diversité (разнообразие), famille (семья), vin (вино), fromage (сыр), paysages (пейзажи)*. У *россиян* 10 наиболее типичных реакций представлены следующими вербальными компонентами: *Эйфелева башня, язык, Париж, красота, мода, вино, духи, Европа, любовь, солнце*.

Сопоставив ядерные реакции, полученные от двух групп испытуемых, мы смогли констатировать, что всего лишь два ассоциата из десяти (*Париж* и *вино / Paris, vin*) являются общими у россиян и французов. Соответ-

ственно 80% ядерных элементов оказались культурно-специфическими. Так, только у французов в ядре АП отмечены следующие вербальные реакции: *pays*(страна), *liberté* (свобода), *maison*(дом), *culture* (культура), *diversité* (разнообразие), *famille* (семья), *gastronomie* (гастрономия), *fromage* (сыр). У россиян культурно-специфические компоненты представлены следующими вербальными реакциями: *Эйфелева башня, язык, мода, красота, духи, любовь, Европа, солнце*. Из этого следует, что образные компоненты представлений о Франции не совпадают у французов и русских: для россиян Франция – это, в первую очередь, *Эйфелева башня, любовь, мода и красота, духи*. Для французских студентов Франция – это, прежде всего, *страна*, которая отличается высоким уровнем *культуры*, это страна свободы и разнообразия (*liberté* и *diversité*), а также место, где находится их дом и семья.

С целью исследования **структурных** особенностей культурного знания о Франции все вербальные реакции двух ассоциативных полей были проанализированы с учетом семантико-денотативной отнесенности, что позволило нам выделить определенные когнитивные слои, ранжирование которых с учетом количественных данных послужило основанием для моделирования *когнитивной структуры* представлений о Франции. У французов она представлена следующей моделью:

- 1 *Природно-географическая среда* (66 ед.);
- 2 *Гастрономия* (59 ед.);
- 3 *Социально-политическая жизнь* (55 ед.);
- 4 *Способ связи со страной* (52 ед.);
- 5 *Культурное достояние* (51 ед.);
- 6 *Французы и их характеристики* (25 ед.);
- 7 *Свойства, качества, оценки* (27 ед.).

Выделенная иерархическая структура в единстве всех слоев и будет, на наш взгляд, представлять собой специфическую модель когнитивной активности, которая обуславливает отбор и формирование соответствующих компонентов знания в обыденном сознании французов о своей стране.

Классификация всех элементов ассоциативного поля, полученного на стимул ФРАНЦИЯ в группе **российских** студентов, позволила реконструировать следующую структуру знаний в обыденном сознании россиян:

- 1 *Культурное достояние* (125 ед.);
- 2 *Свойства, качества, оценки* (70 ед.);
- 3 *Природно-географическая среда* (55 ед.);
- 4 *Артефакты* (28 ед.);
- 5 *Гастрономия и кухня* (23 ед.);
- 6 *Французы и их характеристики* (22 ед.);
- 7 *Способ связи со страной* (10 ед.);
- 8 *Социальные проблемы* (2 ед.).

Как видим, у россиян модель обыденных представлений имеет несколько отличную конфигурацию. Первостепенную роль в формировании структуры представлений о Франции у россиян играет слой *Культурное*

достояние, поскольку он является самым репрезентативным (125 ед.) для данной группы испытуемых. Для россиян Франция – это, в первую очередь, страна многочисленных достопримечательностей, культурных событий и достижений. Вторым по числу компонентов является слой *Свойства, качества, оценки* и лишь на третьем месте находится сегмент *Природно-географическая среда*. Важно отметить, что в структуре представлений о Франции у россиян практически отсутствует когнитивный сегмент *Социально-политическая и экономическая сфера*, но, при этом, в значительном объеме представлены слои *Артефакты, Французы и их характеристики*.

У французов самым многочисленным и, следовательно, самым значимым с точки зрения обыденного сознания является сегмент *Природно-географическая среда*. На втором и третьем местах по числу компонентов находятся сегменты *Гастрономия* и *Социально-политическая жизнь в стране*. У французских испытуемых когнитивный слой *Способ связи со страной* является также актуальным направлением идентификации страны, поскольку информанты связаны с ней многочисленными узлами: по факту рождения и проживания, через семью, друзей, учебу и работу. В то же время для россиян этот признак находится на периферии обыденного знания, что и подтверждается количественными данными: у французов в этом слое количество компонентов в 5 раз больше по сравнению с россиянами.

Сравнительно-сопоставительный анализ двух моделей знаний через призму восприятия россиян и французов позволяет сделать следующие выводы: несмотря на наличие общих слоев, когнитивная модель представлений о Франции у носителей двух культур не является идентичной. У французов наиболее значимыми направлениями идентификации своей родной страны являются следующие схемы обработки информации: «страна – ее природно-географическая среда»; «страна – ее кухня»; «страна – социально-экономические условия жизни»; «страна – способ связи с ней».

Отсутствие непосредственного опыта жизни и общения во Франции активизирует у россиян другие когнитивные схемы, что и обуславливает, в конечном итоге, формирование другой когнитивной структуры. Здесь решающую роль в построении образа играют схемы «Франция – ее культура», Франция – ее достопримечательности, символические объекты», «Франция – ее артефакты». Сравнительный анализ двух ассоциативных полей позволил констатировать, что образ Франции детерминирован, в первую очередь, опытом взаимодействия с природной и социальной средой обитания, в которой происходит социализация и инкультурация человека.

Таким образом, результаты проведенного эксперимента позволяют сделать вывод, что образ мира обусловлен *деятельностным характером связи со средой* (опосредованным или непосредственным характером взаимодействия с социокультурной средой); при этом когнитивные схемы выступают как механизм взаимосвязи психического и социального. Следовательно, образ мира есть результат взаимодействия с миром, в этой связи

формирование образа мира социально обусловлено. Социальная обусловленность проявляется в социальной и культурной детерминации культурных схем и моделей знаний, в тесной связи социальных представлений с языком, в признании ведущей роли коммуникации и активности субъекта в формировании образа мира.

Проведенный эксперимент подтвердил, что этнокультурная специфика образа мира может быть раскрыта с помощью понятий *стереотипного ядра* и *когнитивной модели*, которые определяют структуру образа мира, но, в свою очередь, являются производными от сложившихся в культуре когнитивных схем обработки информации.

Проблема изучения этнокультурной вариативности образов мира не ограничивается только лишь анализом структурных характеристик, поскольку, сознание, как известно, предполагает не только хранение знаний, но и многогранную деятельность по добыванию новых и использованию имеющихся в распоряжении индивида знаний. В этой связи изучение *процессуальных аспектов* формирования образа мира, в частности, исследование *когнитивных механизмов* и *стратегий*, используемых представителями разных культур при обработке повседневного опыта, будет представлять огромный интерес с точки зрения этнопсихолингвистики.

Компаративный подход к изучению когнитивных механизмов и стратегий обработки информации позволит, на наш взгляд, не только дать более полное представление об этнокультурной специфике когниции, но и уточнить роль культуры в формировании образа мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г. М. Психология социального познания: Учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 288 с.
2. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 157 с.
3. Журавлев И.В. Движение вокруг вещи (к вопросу о природе сознания) // Язык. Сознание. Культура: Сб. ст. / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. – М.–Калуга, 2005. – С. 20–31.
4. Журавлев И.В. Методологические проблемы исследования образов сознания (на примере образа мужчины) // Вопросы психолингвистики. – 2008. – № 8. – С. 66–73.
5. Завалова Н.Д., Ломов Б.Ф., Пономаренко В.Л. Образ в системе психической регуляции деятельности. – М.: Наука, 1986. – 175 с.
6. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
7. Залевская А.А. Некоторые перспективные направления психолингвистических исследований // Языковое сознание: парадигмы исследования: Сб. ст. / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М. – Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2007. – С. 24–39.
8. Йокояма О.Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 424 с.
9. Курганова Н.И. Межкультурный диалог как способ освоения культуры: Мо-

- нография. – Мурманск: МГПУ, 2007. – 312 с.
10. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл; Изд. центр «Академия», 2005. – 288 с.
 11. Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 14 «Психология». – 1979. – № 2. – С. 3–13.
 12. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. II. – 320 с.
 13. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – 2-е изд. – М.: Смысл; Изд. Центр «Академия», 2005. – 352 с.
 14. Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы: Учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: Академический проект: Альма Матер, 2005. – 624 с.
 15. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.
 16. Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики: Курс лекций. – Ч. 2. Этнопсихолингвистика. – М.: Моск. гос. лингвистич. ун-т, 2007. – 200 с.
 17. Смирнов С.Д. Понятие «образ мира» и его значение для психологии познавательных процессов // А.Н. Леонтьев и современная психология. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1983. – С. 149–155.
 18. Смирнов С.Д. Психология образа: Проблема активности психического отражения. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1985. – 232 с.
 19. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 368 с.
 20. Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры // Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000. – С. 45–53.
 21. Тарасов Е.Ф. Образ мира // Вопросы психолингвистики. – 2008. – № 8. – С. 6–10.
 22. Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб. ст. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – 2-е изд. – М.: ИЯ РАН, 2000. – 256 с.
 23. Moscovici S. Introductory Address // Papers on social representations. – 1993. – Vol.2. – № 3. – Pp. 160–170.

Е.В. Лукашевич

«В СТА ЗЕРКАЛАХ»:
СЛОВО В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

А.А. Залевская характеризует психолингвистику как науку о специфике становления и функционирования языка как достояния индивида – личности, включенной в социум и – шире – в культуру, в межличностные и межкультурные взаимодействия [2: 41]. В 2005 г. в своей статье «"Человеческий фактор в языке": динамика трактовки» А.А. Залевская, размышляя о путях дальнейшего развития науки о языке, подчеркнула: «Первый из них – продолжение "борьбы" за "чистоту" лингвистики, но в таком случае необходимо отказаться от декларирования недостижимых